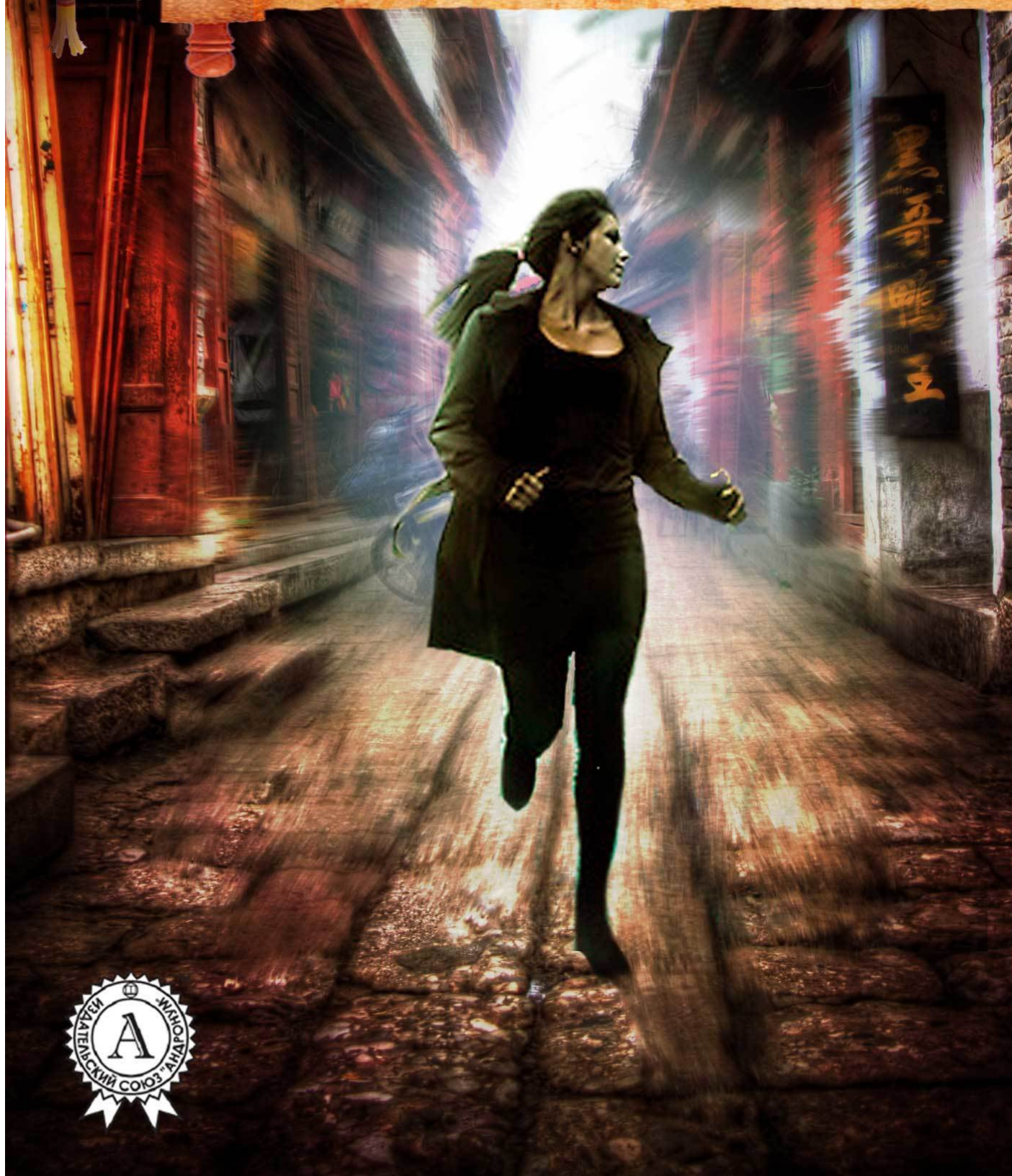

НАТАЛИЯ МАНУХИНА

НАШИ ЛЮДИ В ШАНХАЕ

Наталия Манухина

Наши люди в Шанхае

«ИП Стрельбицкий»

Манухина Н.

Наши люди в Шанхае / Н. Манухина — «ИП
Стрельбицкий»,

Сбылась давняя мечта... Владелица брачного агентства Наташа едет в Китай, в страну своего детства. Бойтесь своих желаний, они могут исполниться! Долгожданная поездка превращается в гонку с преследованиями. Неприятные сюрпризы и опасные ситуации подстерегают Наташу и ее спутника профессора Алсуфьева на каждом шагу, даже в пекинской опере. Почему? Вот главный вопрос, на который должна найти ответ героиня...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталия Манухина

Наши люди в Шанхае

Глава 1

Нет, это невозможно! Дожила, называется, не с кем в отпуск поехать!

С пристрастием осмотрев отменный кусок парной телячьей грудинки, я тщательно его вымыла, положила в кастрюлю и, залив холодной водой, поставила на огонь.

Пусть, пока суд да дело, поварится.

Согласитесь, обиды обидами, а семью кормить надо. Муж уже неделю борща просит.

Я тяжело вздохнула и достала из шкафчика корзинку со свеклой.

Недаром говорят: человек предполагает, а бог располагает. Какие грандиозные у меня были планы!

В этом году я собиралась непременно, во что бы то ни стало съездить в страну своего детства. Сколько можно откладывать?

Я даже в новогоднюю ночь эту поездку загадала. Написала на клочке тонкой папиросной бумаги слово «Китай», бумажку эту сожгла, золу высыпала в бокал с шампанским, а потом этот наспех приготовленный напиток выпила. Залпом!

Все это нужно было проделать в те считанные секунды, пока куранты били двенадцать. Я так спешила, что чудом только не захлебнулась.

И в результате?

В результате сезон отпусков на исходе, на дворе сентябрь, а я так никуда и не съездила. И, наверное, уже не поеду. Не с кем!

Я открыла кастрюлю, сняла шумовкой пену, посолила бульон, положила в него луковку, прикрутив конфорку, убавила огонь и еще раз мысленно пересчитала по пальцам все вероятные кандидатуры.

И так, что же мы имеем?

Муж. Муж – изумительный вариант! Потрясающий, я бы сказала. Самая подходящая кандидатура!

Больше всего на свете мне хочется поехать в Китай именно с мужем. Во-первых, потому что Слава сам мечтал об этой поездке. Во-вторых...

Во-вторых, путешествовать с мужем комфортно: ни о чем думать не надо, ни о чем не надо беспокоиться. Вся ответственность за организацию путешествия целиком и полностью ложится на Славочку. Это у него болит голова о билетах, путевках, чемоданах, сохранности денег и документов – за все это отвечает он, я же в отпуске отдыхаю.

Согласитесь, это справедливо! Весь год обустройством быта в нашей семье занимаюсь я, а муж всего какие-то две недели отпуска.

Вот только одно «но»! Отпуска в этом году у мужа не будет. Совсем! Ни двух недель, ни одной.

– Ты знаешь, Наташа, – с притворным вздохом заявил сегодня за завтраком мой благовверный, – ничего у меня, видно, с отпуском не получится. Очень много работы! Не смогу вырваться.

– Ничего себе! – Я с силой воткнула столовый нож в податливо-нежный брусочек сливочного масла. – Не получится! То есть как это – не получится?! А как же я?! Ты же второй год без отпуска, Слава! Ты с ума сошел, да?! Ты ведь обещал! Клятвенно обещал, что в этом году мы поедem в Китай!!! Помнишь?

– Помню, лапочка, помню. Но, извини, никак не смогу. Работа. Слушай, а может, тебе поехать одной? В смысле без меня. А что? Это идея! Поезжай, правда! Отдохнешь, развеешься.

Гм, легко сказать: «Поезжай без меня!»

А с кем?!! С кем я могу поехать?!

С детьми?!!

Но оба наших сына, и Миша, и Кирилл, уже взрослые и вышли из того возраста, когда путешествуют с мамочкой. Им это неинтересно.

Безусловно, я могла бы их уговорить. Расставить правильно акценты, прикинуться сиротой казанской, слезу пустить, наконец.

И сыновья дрогнут, согласятся со мной поехать. Обязательно! Я в этом нисколько не сомневаюсь. У нас со Славой хорошие мальчики. Не один, так другой выручит.

Мне это надо? Нет!

Материнское сердце – не камень. Не так уж много у Миши с Кириллом свободного времени, чтобы я вынуждала своих сыновей тратить его на мои прихоти.

Поехать в Китай с Ниночкой тоже невозможно.

Наша приемная дочь для этой поездки еще слишком мала. Она дошкольница, и такое дальнейшее путешествие ей будет в тягость, а не в радость. Один перелет чего стоит.

Нет, Ниночке лучше пожить лишний месяц на даче, с бабушками.

Бабушки... То есть моя мама и мама Славы. Также вариант, на самом деле.

На худой конец я могла бы отправиться в путешествие и с бабушками. Все лучше, чем ехать одной.

Да, вот беда – они со мной не поедут!

Маме не позволит здоровье, а свекровь недолгоблизает китайцев.

– Как подумаю, что их на земном шарике полтора миллиарда, жуть берет! – В приговорном ужасе передергивает плечами «мама в законе» каждый раз, когда проходит мимо китайского ресторанчика.

Подруги...

Я отложила в сторону нож, которым резала свеклу. Чтобы пересчитать всех моих подружек, пальцев на одной руке не хватит.

Лиза свой отпуск уже отгуляла.

Митрофанова поехать со мной в Китай тоже не сможет. Вчера утром она улетела на три недели в Карловы Вары.

Валя опять на курсах повышения квалификации. Честное слово, иногда мне кажется, что правильная безотказная Валечка отдувается на этих самых курсах за всех нерадивых невропатологов славного города Питера.

Дуська готовится к свадьбе. Через три недели наша Чумакова наконец-то выходит замуж за очень и очень достойного человека.

Наташа тоже готовится к свадьбе. Выдает замуж дочь. Рановато, правда. Анечке всего-навсего двадцать лет, ну да кто нас, старых дур, слушает.

Гале предлагать бесполезно. Со дня на день должен появиться на свет ее четвертый внук, а Галя – примерная бабушка и внука на Китай не променяет ни за какие коврижки.

Ира отпадает из-за грибов. На дворе грибной сезон, а Ирка заядлая грибница.

Зоя выхаживает очередную тяжелобольную тетюшку. Как они ее находят, эти престарелые троюродные тетки, уму непостижимо. Еще с институтских времен помню, Зойка все время за кем-нибудь да ухаживает.

Лариса в Китай не поедет. Она бредит Англией, а материальные возможности школьных преподавателей английского языка, увы, ограничены.

У Надин бесконечный медовый месяц.

Лилька уже полгода гостит у сына в Израиле, и вызвонить ее оттуда для поездки на другой конец света представляется мне делом сомнительным.

Нина... Нет, Нина отпадает по определению. Она фанат горнолыжного спорта и отпуск свой берет исключительно зимой.

У Лены на носу защита докторской диссертации.

У Тамары любимая работа. Она в отпуск не ходит годами, впрочем, как и мой Славочка.

Ну, кажется, все... Всех перечислила. Никого из девочек не забыла.

Я снова взялась за свеклу.

Осталась только Верочка Васильева, но про нее и думать нечего.

У нас с Веруней общий бизнес – брачное агентство «Марьяж». Отъехать в отпуск одновременно, оставив агентство без присмотра, мы, к сожалению, не можем, ведь дела наши идут далеко не блестяще.

Я быстро обжарила мелко нарезанную свеклу в сковородке с растительным маслом, выложила в маленькую кастрюльку, посолила, добавила томатной пасты, немного бульона и поставила тушиться.

Время летит, просто кошмар какой-то! Второй год пошел, как мы с Верочкой ступили на скользкий путь предпринимательства, а «Марьяж» до сих пор лихорадит. Не одно, так другое!

Бизнесменши мы с ней аховые. Ни опыта, ни чутья, ни хватки деловой не имеем. От налогов, кредитов, бизнес-планов и прочего голова кругом идет.

По образованию мы с Веруней библиотечарши. Почти двадцать лет проработали бок о бок в Публичной библиотеке, занимались систематизацией экономической литературы, а потом вдруг раз и стали свахами.

Должна признаться, это я сбила Верочку с панталыку.

Блажен, кто верует. В тот момент я искренне верила, что сватовство занятие не только интересное, но и прибыльное, и сумела убедить в своих бредовых фантазиях подругу.

Я к тому времени уже не работала. Уволиться из Публички уговорил меня муж. Славочка испугался, когда я начала прихварывать, стал настаивать, чтобы я ушла с работы и занялась своим здоровьем, а я сдуру послушалась.

Просидела дома полгода и поняла – все! Больше не могу. Тошнехонько, хоть волком вой!

Целыми днями одно и то же: стирка, глажка, уборка, готовка... С утра до ночи как белка в колесе крутишься, к вечеру с ног валишься от усталости, а результат ровно такой же, что и у рыжей симпатичной зверюшки с пышным хвостом.

Нулевой результат!

Сядешь вечером, вокруг себя глянешь – обед съеден, посудомоечная машина полна грязной посуды, полы затоптаны, цветы в вазах завяли, а еще завтра с утра неплохо было бы поменять постельное белье и полотенца в ванной.

Домашнюю работу не переделаешь! Какое уж тут моральное удовлетворение.

К тому же домашняя работа самая неблагодарная.

Редко кто из членов вашей семьи в состоянии оценить ее адекватно. Разве что мама или свекровь понимают, что на фаршированную индейку, съеденную за воскресным обедом, я потратила, как минимум три часа своего драгоценного времени.

Я с ожесточением шинковала капусту для борща.

Борщи, салаты, компоты...

Вот оно – бесценное мое времечко – на что уходит! Незаметно уходит. Как в песок!

День, ночь, день, ночь... Лег, встал, лег, встал...

А жизнь у человека одна! Единственная! И проходит она стороной.

Мимо, мимо, мимо....

Я ведь не живу, я смотрю, как живут другие. По телевизору смотрю.

Виртуальные героини знойных латиноамериканских дебиляд мне про свою насыщенную событиями жизнь рассказывают, а я на телеэкран смотрю и за них радуюсь.

Дона Летиция замуж выходит? Какая прелесть! Я так за нее рада.

Жозе Карлос выиграл в лотерею? Изумительно! Наконец-то они с Хуанитой смогут позволить себе поездку в Париж.

Жука с Хукой в Париж поедут, а я нет!

Корешки! Корешки, будь они неладны! В пылу душевной маэты я чуть было не забыла про петрушку с сельдереем. Кошмар какой! Еще немного и приготовила бы борщ без кореньев и зелени.

Я сунула пучок сельдерюшки под струю холодной воды.

Нет, это невозможно. О чем я думаю? У меня, можно сказать, жизнь не складывается, в отпуск не с кем поехать, а я как заведенная готовлю обед.

Зомби, одним словом.

Я вымыла зелень и почистила корешки.

Безобразия! Я даже Алсуфьева не могу с собой пригласить. От кого, от кого, а уж от Сергея я такого подвоха не ожидала.

Сережа Алсуфьев мой давний друг. Настолько давний, что честно признаюсь, как мы с ним познакомились, я не помню. Я была тогда слишком мала.

О знакомстве с семейством Алсуфьевых я знаю из рассказов мамы.

Моего папу направили в длительную зарубежную командировку. В Шанхай. В Китае в те годы работало много специалистов из Советского Союза. Усердно и бескорыстно помогали они братскому китайскому народу в деле постройки социализма.

Нет, нет, я не ерничаю, упаси бог. Я просто цитирую строчки из благодарственного письма, которое получил мой отец по возвращении на Родину. Там именно так и написано: «Позвольте выразить вам благодарность за бескорыстную и усердную помощь в деле постройки социализма в нашей стране». Подписано это послание самим премьером Совета Министров КНР Чжоу Энь Лаем.

Мама поначалу в Китай с папой не поехала. Осталась в Ленинграде. Из-за меня.

Нет, первоначально мои родители, конечно же, думали, что поедут вместе.

Конец пятидесятих годов прошлого века, холодная война, железный занавес. Ни о каких туристических поездках за границу в Советском Союзе и слухом не слыхивали. Загранкомандировка в те годы была единственной возможностью посмотреть мир, и выпадала такая удача на долю очень и очень немногих счастливицов.

Родители просто бредили этой поездкой. У них и в мыслях не было отказываться от той счастливой возможности, которую посылает им судьба.

Отговорила их бабушка.

– Вы собираетесь ехать в Китай все вместе? Всей семьей? – ледяным тоном осведомилась Наталья Андреевна, узнав о счастье, привалившем зятю с дочкой.

– Да! – в один голос заверили бабушку счастливые мама с папой.

– С Татулей?!!

– Конечно с Татулей. А как же?!

– Ну, уж нет!!! С Татулей не пущу! – категоричным тоном заявила баба Таля. – Только через мой труп! – Она грохнула об пол пару тарелочек из остатков фамильного кузнецовского сервиза.

Для пущей убедительности грохнула.

С бабулиным мнением в семье считались. Она умела себя поставить.

Молодые родители поразмыслили и решили здоровьем единственной дочери не рисковать.

Кто знает, что ждет их в Китае? Какие там будут жилищные условия, и как субтропический климат Шанхая отразится на здоровье грудного ребенка, а еще там водятся склопендры, и можно заболеть малярией, и бог его знает, какие еще опасности поджидают ребенка в чужой стране.

Подумаешь, год!!! Что значит разлука в каких-то двенадцать месяцев по сравнению с безопасностью драгоценной Татуленьки?

Родители приняли единственно правильное, по их мнению, решение – папа поехал в Китай один.

Через год командировку ему продлили. Он должен был проработать на судостроительном заводе Шанхая еще два года.

Тут уж бабушка сама заговорила с мамой об отъезде.

Спасибо за это надо сказать любопытным соседкам по дому! Это их нелепые домыслы вынудили бабу Талю инициировать нашу поездку в Китай.

– Лельку Подольскую из двадцать второй квартиры сейчас в гастрономе на Кузнечном встретила. Вместе за мясом стояли, – кипит слезами, кричала бабуля еще с порога. – Опять про Колю спрашивала. Где, говорит, у вас, Наталья Андреевна, Катюшин муж? Что-то не видно его совсем. Говорили, что он в командировке, якобы вот-вот вернуться должен, а я смотрю Катюша, бедняжка, все одна да одна с ребеночком. Жалко, говорит, девочку, без отца растет. Хорошенькая, говорит, такая девочка у вас, полненькая, ручки, ножки, говорит, в перевязочках. Хабалка! – Бушевала бабушка, разбирая сумку с продуктами. – Морда бесстыжая эта Лелька! Чем сплетни сводить, лучше б за мужем своим как следует смотрела. Ходит вечно как гопник: ботинки нечищенные, брюки неглаженные, целую неделю в одной и той же рубашке.

Всю жизнь баба Таля стремилась к тому, чтобы все у нее в семье было как у людей. И даже лучше.

Самый любящий муж, самый умный сын, самая красивая дочь... У нее все самое-самое. Это так! Это все знают. Она этого достойна! Потому что она сама труженица, умница и красавица.

А тут вдруг такие дикие, ни на чем не основанные подозрения!

Да, что они себе позволяют? Как смеют эти бездельницы, злословить на всех углах о семейной жизни ее дочери.

Кто дал им право перемывать косточки ее, Натальи Андреевны, близким?

В семье Ведененковых не может быть разведенной дочери. Не может!!! И говорить тут не о чем!

Сплетни окружающих не давали бабе Тале житья, выводили ее из равновесия, лишали сна.

Но как говорится: на каждый роток не накинешь платок.

Чтобы кардинально решить проблему, бабушка была вынуждена смириться с нашим отъездом.

Начались сборы в дорогу: оформление документов, беготня по магазинам, стояние в очередях.

Жена и дочь советского специалиста должны были достойно представлять свою страну за рубежом.

По вечерам на кухне стрекотала швейная машинка «Зингер». Это Ксенечка, портниха из соседней квартиры, шила мне платье.

Одно из них, самое, по словам мамы, нарядное, сшитое из шотландки в бело-голубую клетку, я помню прекрасно. После меня, лет десять еще, наверное, это платье носила моя любимая кукла Танюша. Она же донашивала и фетровый голубой беретик, который очень

удачно прикупила мне к этому платью бабуля, отстояв за ним в «Пассаже» всего-навсего двухчасовую очередь.

Как бы то ни было, документы были получены, наряды упакованы, черный хлеб и килька с селедкой (угощение для папиных русских коллег в Шанхае) закуплены, настало время прощаться.

Мы с мамой выехали в Китай.

Отправились мы в столь дальнее путешествие почему-то поездом. Поездом!!! Можете себе представить?!

Мама говорит, такова была рекомендация министерства.

Как подумаю, что пришлось пережить моей молоденькой маме за время пути, жуть берет. Одна-одинешенька, избалованный годовалый ребенок на руках и куча вещей в придачу: чемоданы, баулы, коробки и детский, простите за столь интимные подробности, ночной горшок.

Ехали долго, с двумя пересадками. Сначала в Москве, потом в Пекине. В общей сложности до Шанхая добирались почти две недели.

С Алсуфьевыми познакомились уже в самом начале пути, в вагоне поезда «Москва – Пекин».

Сережа с мамой тоже ехали к отцу и тоже в Шанхай. К тому же выяснилось, что жить в Шанхае нам предстоит в одной и той же гостинице. По счастливой случайности наши отцы, и мой, и Сережин, проживали в отеле «Пикарди».

Неудивительно, что наши мамы подружились, а как следствие подружились и мы с Алсуфьевым.

Ведь в раннем детстве дружишь с теми, с кем тебе приходится общаться. Водят тебя родители гулять именно в этот сквер и в эту песочницу, вот ты с обитателями этой песочницы и дружишь.

Какие могут быть варианты? Выбор у тебя невелик. Человек ты до определенного возраста подневольный.

Наша дружба с Сергеем пережила и школьные годы, и студенческие, и даже мое замужество. Мы дружим до сих пор!

Вполне естественно, Алсуфьев был первым, про кого я подумала, когда узнала, что Слава не сможет поехать со мной в Китай.

Вот только Алсуфьев тоже не может со мной поехать. Не может по той простой причине, что в это самое время он и так уже будет в Китае. Один. Без меня.

Через неделю в Пекине состоится какая-то международная научная конференция по психотерапии, и Сергей будет выступать на ней с докладом.

Предатель!!!

Я попробовала в борще соль, добавила еще пару ложек томатной пасты и мелко нарезанный чеснок, подождала, пока борщ закипит и, выждав пару минут, сняла кастрюлю с огня.

Глава 2

Телефон зазвонил, как всегда, не вовремя.

Только-только простодушный добряк дон Педро Хуан Гарсия из сериала «Моя маленькая Карменсита» стал наконец-то подозревать свою неверную жену, коварную дону Лусию Даниэлу, в том, что она наставляет ему рога в его же собственном роскошном доме с его собственным племянником, этим мерзким прощельгой Роберто Антонио, как раздался звонок.

Нет, это невозможно. Вот так всегда! В кои-то веки соберешься спокойно посмотреть дебилиаду и погладить белье, как на тебе – опять кто-то названивает.

– Покоя нет, – пробурчала я и, поставив утюг на попу, сняла трубку:

– Слушаю вас.

– Наташечка?

– Привет, Сережа, – сдержанно поздоровалась я со своим приятелем.

Легок на помине!

– Извини, я, наверное, опять некстати? – мгновенно отреагировал на мой отстраненный тон деликатный Алсуфьев. – Откуда я тебя выдернул на этот раз?

– Белье глажу, – с тяжелым вдохом пояснила я и выдернула шнур от утюга из розетки.

Не могу же я гладить, смотреть сериал и болтать с Алсуфьевым одновременно. Придется чем-то поступиться.

Дебилиадой я пожертвовать не смогла. Это выше моих сил. Поэтому предпочла расстаться с бельем.

Пес с ними, с мужскими сорочками! Успеется еще, выглажу.

– Все ясно, – искренне огорчился он. – Ты трудишься как пчелка, а Алсуфьев, как всегда, отвлекает тебя от борьбы.

– Да нет, – вяло отнекивалась я, не отрывая глаз от экрана телевизора. – Ты же знаешь, я всегда тебе рада. Просто быт замордовал, сил никаких нет!

– Да, да, конечно. Извини, пожалуйста. Я не представляю себе, как ты со всем этим справляешься. Ты такая умница, Наташечка, все успеваешь, а я вечно тебя отрываю от дел. Извини, я ненадолго. У меня к тебе только один вопрос: ты не хочешь поехать со мной в Китай?

– Куда? – Я прилипла к экрану.

Ой, как не вовремя этот Алсуфьев со своим звонком. У них там в Рио-де-Жанейро сейчас такое начинается! Самое интересное!

Подлая дона Лусия Даниэла сумела-таки настроить против наивного простофили дона Педро его сына от первого брака, своего пасынка, Луиса Альберто, и завладела ключом от сейфа. Интриганка!

– Алло, Наташечка? Ты меня слышишь? Ты куда-то пропала.

– А? Нет, Сережа, я не пропала. Я просто не расслышала, что ты сказал. Извини...

Похоже, хитрой Лусите и на этот раз удалось обвести мужа вокруг пальца и выйти сухой из воды.

Все-таки выглядит эта злодейка, Лусия Даниэла, бесподобно.

Прическа, макияж – все на уровне. Всегда! В любых ситуациях!

И одевается она, надо признать, с большим вкусом. Вроде бы и фасоны платьев у нее чересчур откровенные, на грани фолы, и цветовые сочетания в своих нарядах она использует совершенно неожиданные, но всегда попадает в десятку. Ни убавить, ни прибавить.

А аксессуары? А драгоценности?!

Кошмар какой! Хоть беги и покупай себе точно такие же!

Вот этот вот топ, например. Вот этот, леопардовый, что надет на Лусите в настоящий момент! К моему деловому костюму цвета перевернутого кофе он подошел бы идеально. Впрочем, сумочка и перчатки тоже. Да и от туфель синьоры Гарсия я бы не отказалась.

– Алло, Наташечка!

– Да?

– Я спросил, не хочешь ли ты поехать со мной на недельку в Китай?

– Куда?!! – Я схватилась за пульт и усилием воли заставила себя выключить телевизор. – Куда ты сказал?

– В Китай.

– В Китай?!! – У меня перехватило дыхание.

Бог с ними, с малохольным доном Педро и мерзавкой Луситой. Не маленькие! Пусть сами разбираются со своими проблемами. Без меня.

Мне сейчас некогда.

Как это «в Китай?!» Какой Китай?! Я не могла поверить своим ушам.

Почему это вдруг Алсуфьев звонит и ни с того, ни с сего предлагает мне поехать в Китай?

Неужели он – телепат? Ясновидящий!!!

Очень может быть.

Иначе с чего бы это вдруг?

Только вчера я занималась самоедством из-за поездки в Поднебесную, дескать, не с кем мне, сироте казанской, отправиться в столь дальнее путешествие, а сегодня звонит он и предлагает мне эту поездку на блюдечке с голубой каемочкой.

Весьма и весьма странно.

Нет, это выше моих сил. Я с ума сойду с этим Алсуфьевым.

Интересно, давно это у него? С каких это пор он научился читать мои мысли?

И скрывал, главное ... Вы подумайте!

Нет, это невозможно! Как же мне теперь с ним дружить прикажете?

Психолог, обладающий телепатическими способностями – такого друга не пожелаешь и врагу.

От такого друга сокровенные мысли не скроешь. Ничего личного за душой не останется...

А может, я все усложняю?

Есть у меня такая, невинная на первый взгляд слабость – переживать события дважды. До того, как свершилось, в предвкушении неприятностей, и после того как эти неприятности уже случились.

Хлебом не корми, дай только попереживать. По поводу и без повода.

Идиотка несчастная!

К чему сходить с ума раньше времени? Вот когда Алсуфьев расскажет мне о своих экстрасенсорных задатках, тогда я и буду расстраиваться.

Возможно, это обычное совпадение? Не более. Бывают же в жизни совпадения, чтобы там ни говорили.

Или же, например, Слава позвонил Алсуфьеву?

Тоже вариант, кстати сказать.

Очень на него похоже, на моего Славочку.

Расстроился вчера из-за того, что я расстроилась, и позвонил сегодня с утра пораньше Сергею. Позвонил и попросил съездить со мной в Китай. Вместо себя.

А что? Логично.

Кого и просить об этом, как не Алсуфьева?

Да нет, глупости! Как Славка мог обратиться с такой просьбой к Алсуфьеву, если знает прекрасно, что тот и так едет в Китай на конференцию.

Нет, Слава не стал бы ставить его в неудобное положение. Мой муж человек деликатный.

– Алле, алле, Наташечка, ты опять куда-то пропала.

– Я пропала? Нет, Сережа, я не пропала. Я просто хотела уточнить, я правильно тебя поняла, ты приглашаешь меня поехать в Китай?

– Ну, да, в Пекин. Через неделю.

– То есть как это через неделю? А как же конференция? Ее отменили?! Ты не едешь на конференцию?! Сере-ежа, мне так жаль. Ты же говорил, это для тебя очень важно. Кошмар какой...

– Да, нет, все нормально. Успокойся, пожалуйста. Никакого кошмара. Никто ничего не отменял. И конференция в Пекине состоится, и мой доклад состоится и твой, я надеюсь, тоже.

– Чей доклад?

– Твой. Ну, не совсем твой, конечно. Ты у нас прирожденный клинический психолог, Наташечка. Психоаналитик от бога, так сказать. Я давно тебе об этом говорю, но в данном случае твои психотерапевтические способности тебе без надобности. Доклад уже готов. Тебе нужно будет только прочитать его с трибуны. Доклад написан, отредактирован, согласован и переведен на английский язык.

– На английский? – ахнула я. – Доклад нужно читать по-английски?!!

– Конечно, – в свою очередь изумился Алсуфьев. – Чему ты так удивилась? Это международная практика. На международных научных конференциях все доклады идут на английском. Ты это прекрасно знаешь. Какие проблемы, Наташечка? Ты ведь владеешь языком, не понимаю, что тебя смущает.

– Меня?!!! Алсуфьев, я тебя умоляю, ты спрашиваешь, что смущает меня?!! Меня смущает все! Ты, наверное, надо мной издеваешься? Да? Ты сошел с ума, Алсуфьев? Звонишь в тот момент, когда у меня и так ум за разум от глажки белья заходит, говоришь всякие глупости и ждешь, как я на эти глупости буду реагировать?

– Какие глупости, Наташечка? Помилуй бог, я не хотел тебя обидеть. Я думал, ты обрадуешься. Ты ведь давно хотела побывать в Китае, а тут такая возможность... Не знаю... Я думал... Тебе ведь нужно просто прочитать с трибуны уже написанный доклад и все.

– И все?

– И все. Просто прочитать.

– Нет, это невозможно. Я, наверное, все-таки схожу с ума. Алсуфьев, я тебя умоляю, можешь ты мне по-человечески объяснить, почему именно я должна буду выступить с докладом по клинической психологии на международной научной конференции в Пекине? Почему? Пусть даже этот доклад уже написан, отредактирован, согласован и переведен на английский язык, почему прочитать его должна буду я? С какого такого перепугу? Можешь ты мне это объяснить так, чтобы я поняла? Или не можешь?

– Могу. Таковы условия игры. Тебе оплачивают дорогу и гостиницу, ты читаешь доклад.

– Ничего не понимаю, – растерянно сказала я и, раздраженно отодвинув гладильную доску, плюхнулась на стул.

В ногах правды нет.

– Почему все-таки я? Почему этот окаянный доклад не может сделать человек, написавший его?

– Кхе, кхе, кхе, кхе, – смущенно закашлялся мой мучитель. – А я разве не сказал тебе почему? Нет? Ну, извини, Наташечка. Совсем, видно, плох стал, извини. Все забываю, все

из рук валится. Устал, забегался. Хотел вот на пару недель в Кисловодск смотаться, нарзану попить, в себя прийти, да разве отъедешь сейчас, когда вокруг сплошные проблемы. Издатель торопит, монографию никак не могу закончить, в университете полный завал, конференция на носу... А тут еще дома полная неразбериха. Холодильник сломался, соседи сверху на меня протекли, кухню залили, а я сдуру ремонт всей квартиры затеял. Хотел как лучше, а получилось как всегда. Нанял солидную фирму, обещали, что сделают качественно и быстро, и обманули, конечно. Задаток получили, квартиру разбомбили и слиняли на другой объект. В квартире черт ногу сломит, грязь, пыль, все в штукатурке, краской воняет. Я от этих запахов задыхаться стал, того и гляди, астма начнется, а им хоть бы хны. Каждый божий день им звоню, интересуюсь, когда же закончится это безобразие. Они уже по голосу меня узнают. Узнавать узнают, а рабочих не присылают. Бессовестные люди. С них все как с гуся вода. Наобещают с три короба, дескать, завтра, завтра, завтра... Завтра с утра специалисты будут на вашем объекте, обязательно будут. И ни с места! Совсем оборзели! Вот такая вот, Наташечка, складывается у меня ситуевина, и я не в силах ее переломить. Видно, пора мне на свалку.

– Жениться тебе, Алсуфьев, пора, а не на свалку. – С чувством сказала я, устраиваясь поудобнее. – Женись! Давно тебе говорю. Женишься, и жена решит все твои проблемы. Во всяком случае, те их них, что связаны с бытом.

– Одни решит, других прибавит. Нет, женитьба это не для меня!

– Но почему, Сережа, я тебя умоляю....

– Все, Наташечка, все! Вопрос с женитьбой не обсуждается. Вернемся лучше к нашим баранам. Я, с твоего позволения, начну все с самого начала. От печки, так сказать. Итак, конференция в Пекине должна состояться 15 сентября, то есть времени у нас осталось меньше недели. От России было заявлено два доклада, и оба от нашей кафедры. Один доклад – мой, со вторым докладом должна была выступить наша аспирантка. Во-от...

– Ну?

– Извини, у меня тут горит. Я сковородку на огонь поставил и забыл. Теперь все горит.

– Выключи!

– Уже выключил. Надо только окно открыть, а то все в дыму. Во-от! Так о чем это я?

– Об аспирантке.

– Да, аспирантка... Аспирантка...

– Со вторым докладом должна была выступать ваша аспирантка...

– Да, должна была. А она, представь себе, заболела. Неожиданно. Сегодня утром на кафедру позвонила ее мама и сказала, что ночью Юле стало плохо, она вызвала «скорую» и ее увезли в больницу.

– А?..

– Не знаю. Но, похоже, что что-то очень серьезное. Женщина говорила сбивчиво, волновалась, плакала... Наша секретарь четко поняла только одно: поехать в Пекин и участвовать в конференции Разгон не сможет из-за болезни.

– Разгон?

– Ну, да. Это фамилия аспирантки.

– А имя ее ты назвал – Юля?

– Все верно – Юля. Юлия Разгон. Тебя что-то смущает?

– Такая высокая, стильная девица? Тощеватая, я бы сказала? Очень надменная и высокомерная? Короче, препротивная особа!?

– Надменная и высокомерная, говоришь. Не знаю... Я бы так не сказал. По-моему, очень милая, вежливая, достаточно толерантная и хорошо воспитанная особа.

– Конечно, конечно, Алсуфьев, я и забыла, тебя послушать, так у тебя все милые, вежливые и воспитанные.

– Но она действительно...

– Верю, Сережечка, верю. Ты мне лучше скажи, ваша аспирантка Разгон любит черный цвет и перламутровые украшения?

– По поводу перламутровых украшений сказать что-либо затрудняюсь. Не обращал внимания, знаешь ли. А вот волосы у нее, действительно, темные.

– Волосы? Сережа, я тебя умоляю, при чем здесь волосы?

– Ты же сама спросила меня про волосы...

– Я?! – опешила я. – Я спрашивала у тебя про ее волосы?!

– Ну, да, только что. Ты спросила, любит ли Разгон перламутровые украшения и черный цвет?

– Сережа, я спрашивала тебя о цвете одежды, а не о цвете волос. Я тебя умоляю, цвет волос можно менять хоть каждый день. Сегодня она брюнетка, завтра блондинка, а послезавтра рыжая или цвета баклажан. Это не принципиально!

– Что ты говоришь? – искренне удивился мой приятель. – Непринципиально? А одежда?! – повелся он.

Психотерапевт, называется. Нет, это невозможно, можно подумать, он не знает, как дамы выбирают себе наряды!

– Одежду можно менять по несколько раз на день, – не унимался Сергей.

– Правильно, можно. Только если, мой дорогой, я отдаю предпочтение черному цвету в одежде, то и большинство вещей в моем гардеробе так или иначе связано с черным цветом. И хоть сто раз на дню переодевайся, все равно на мне будет надето что-то черненькое: либо черная блузку в полоску, либо черный кардиган в горошек, либо черные джинсы, либо шубка, либо шляпка, либо... Господи, Сережа, да у меня даже купальники черного цвета. Не обращал внимания?

– Тебе, Наташечка, черный цвет к лицу, – ввернул этот подлиза.

– Ты думаешь? – Я не сумела сдержать улыбку.

Что ни говори, а все-таки Алсуфьев – классный психотерапевт. Одна такая фраза и ты чувствуешь себя на коне.

– Уверен! Ты у нас самая красивая, обаятельная, привлекательная и вдобавок еще и самая умная.

– Гм, – поперхнулась я.

Эк его разбирает, моего Алсуфьева. Еще немного, и я всерьез поверю в свою исключительность. Что-то здесь не то. С чего это он так распелся?

– Ладно тебе, Алсуфьев, кончай ерничать. Я и так знаю, что ты ко мне хорошо относишься. Кстати, о Разгон... Тему можно закрыть. Пес с ними: и с черным цветом, и с перламутровыми украшениями. Моя Разгон по любому не может быть вашей аспиранткой. Ваша – медик, а моя нет, и не имеет к медицине никакого отношения.

– Вот и ладненько, – хихикнул Алсуфьев. – Тему личностных характеристик мадемуазель Разгон мы закрыли, переходим к ее докладу. Доклад, должен тебе заметить, средненький. Никаких сенсаций, никаких научных открытий там нет. Поэтому никаких дополнительных вопросов к докладчику, скорее всего, не возникнет. А если и будут по теме доклада какие-то вопросы, то задавать их будут уже в кулуарах, по окончании заседания. Это я узнал наверное. Регламент конференции очень жесткий, докладов заявлено много, поэтому время у каждого докладчика строго лимитировано. Ну, а в кулуарах я всегда буду рядом с тобой и отвечу на все вопросы, дабы они возникнут. На правах твоего научного руководителя, так сказать. Наташечка, я серьезно, соглашайся! Ты справишься. Я уверен. Как только узнал сегодня о болезни Разгон, то первым делом подумал о тебе. Почему нет? Ну, что ты смеешься? Ничего смешного. Опыт участия в научных конференциях у тебя есть. Ты ведь выступала на своих библиотечных конференциях и в Публичке, и в Ленинской библиотеке? Высту-

пала. Вот видишь! Английский знаешь. Ну, что значит забыла? Прочитать по написанному сможешь? Сможешь. А большего в данной ситуации и не требуется.

Соглашайся, Наташечка. Представляешь, Пекин, раннее, раннее утро... Мокрые тротуары, велосипедисты, рикши, разносчики фруктов с полными корзинами персиков на бамбуковых коромыслах... Желтые крыши пагод, Храм Неба, сады Императорского дворца Гугун, маленькие уличные ресторанчики, утка по-пекински...

— Кончай соблазнять, Алсуфьев. Я и так со вчерашнего дня сама не своя. Думаешь, мне не хочется поехать в Китай? Хочется! Еще как хочется! Я последнее время просто брежу этой поездкой. Мне так хочется вернуться в Шанхай, Сережа! Это, наверное, странно звучит, но тебе я могу об этом сказать. Ты знаешь, иногда мне кажется, что я связана с этим городом какими-то незримыми нитями. Я не могу назвать это ностальгией. Ностальгия, она другая. Наверное, другая. Человек скучает по стране, которой лишился и не может никак ее забыть. Но мне-то забывать нечего, Сережа! Я ведь мало что помню, можно сказать, вообще ничего не помню. Так, кое-что, обрывками, на уровне запахов и детских впечатлений. Тебе, наверное, трудно меня понять. Ты ведь постарше меня, ты уже в школу ходил, там, в Шанхае, ты многое помнишь. А я? Все в сплошном тумане. Какие-то золотые рыбки, которых мы с мамой кормили большими мучными шариками, змеиная кожа на дорожке в парке... Помнишь, мы нашли прозрачную шкурку, сброшенную змеей, когда гуляли с няней? А еще мороженое! Сережа, я помню мороженое, которое продавали с лотков в сквере перед нашим отелем. Трехцветный бело-розово-голубой пломбир. Помнишь? Я помню его вкус и запах. У нас такого мороженого нет...

— Вот видишь, сколько всего интересного ты помнишь. А сколько вспомнишь еще, когда приедешь в Китай. Человеческая память имеет такую особенность — актуализироваться. Ты возвращаешься туда, где некогда бывал, видишь какие-то знакомые детали, предметы быта, и запускается механизм актуализации. Актуализируются твои воспоминания о событиях, произошедших в этих местах. Это потрясающе интересно, уверяю тебя. У нас получится незабываемая поездка. Не понимаю, почему ты отказываешься.

— Сережа, я тебя умоляю, чего тут непонятного? Не понимает он! Ты ведь не просто приглашаешь меня, поехать с тобой в Китай, ты ставишь мне определенное условие: прочитать доклад. А я боюсь! Боюсь, что не справлюсь, подведу тебя, опозорюсь сама...

— Ты не можешь опозориться, Наташечка. Не можешь по определению. И тем более не можешь подвести меня. Ты справишься. Я все продумал. Это совсем несложно.

— Несложно! — недоверчиво фыркнула я. — Тебя послушать, Алсуфьев, так все проще простого. И доклад прочитать несложно, и дорога с гостиницей оплачены. Не жизнь, а малина!

— Почти.

— Тогда скажи мне, пожалуйста, почему на вашей кафедре не нашлось ни одного желающего съездить в Пекин на таких условиях?

— Кто сказал тебе, что на кафедре не нашлось желающих? Желающие всегда найдутся! На то они, так сказать, и желающие. Только, видишь ли, Наташечка, какая у нас складывается с этим докладом странная ситуевина. Старшие товарищи поехать не могут. Я говорил тебе уже, что доклад средненький, аспирантский, из тех докладов, которые пишутся для того, чтобы у аспиранта была еще одна публикация. Маститому ученому предстать перед зарубежными коллегами с докладом такого уровня просто несолидно. А аспиранты... Участие в международной научной конференции пусть даже и под чужим именем это позитивный опыт для любого молодого ученого. Не думаю, что кто-либо из аспирантов нашей кафедры откажется от счастливой возможности слетать в Пекин и поучаствовать в конференции. Просто им этого еще никто не предлагал.

Скажу тебе по секрету, Наташечка, этот доклад, доклад Юлии Разгон для пекинской конференции, написал я. Меня попросил об этом заведующий кафедрой. Думаю, что именно по этой причине он и согласился с твоей кандидатурой. Наш шеф – научный руководитель этой особы. У нее возникли какие-то там сложности то ли с написанием, то ли со временем, и он обратился за помощью ко мне. У меня со свободным временем, сама понимаешь, тоже напряженно, но отказывать шефу в силу ряда разных причин, я не стал. Старшие товарищи приказали, сама понимаешь... В общем, доклад для Разгон я написал, а когда узнал, что поехать она не сможет, то счел для себя возможным замолвить словечко о тебе. Завкафедрой в принципе не возражал. Теперь все зависит от тебя. От твоего согласия. Что скажешь?

– Не знаю.

– Наташечка, ну что значит «не знаю». Не зря же я так старался. И доклад для Разгон по ночам писал, и перед шефом прогибался. Я думал, ты обрадуешься. У нас должна получиться классная поездка. Три дня в Пекине, потом съездим в Шанхай. Побродим по городу, разыщем отель, в котором жили с родителями, вспомним молодость, так сказать. Билеты на поезд из Пекина в Шанхай я уже заказал, номера в отеле тоже. Соглашайся!

– Ты думаешь?

– Уверен, Наташечка. А хочешь, съездим в Циндао? Помнишь Циндао? Желтое море, парк с акациями, цикады стрекочут. У тебя была цикада. Помнишь? Она жила в маленькой-премаленькой бамбуковой клеточке. Ты с важным видом повсюду таскала с собой эту дурацкую муху. Я так тебе завидовал. Помнишь?

– Еще бы не помнить. Помню, конечно. Ты дразнил меня «Муха, муха-цокотуха, позолоченное брюхо». Только это было не в Циндао, а в Шанхае. Цикаду в клетке мне подарил лифтер в отеле.

– Вот, видишь, как здорово. Все-то ты помнишь. Ну что, Наташечка, едем?

– Не знаю, Сережа.

Глава 3

Юлия закончила разговор с матерью, отключила мобильный и с облегчением откинулась на подушки.

Что ж, пока все идет по плану. На кафедре благополучно проглотили наживку, поверили в историю с ее внезапной болезнью и госпитализацией.

В Китай вместо нее поедет кто-то другой. Уже хорошо.

Жаль, конечно, что накрылась халявная поездка за рубеж, ну да ничего не поделаешь, жизнь по-любому дороже.

Теперь надо сделать так, чтобы в эту немудреную сказочку поверил и недоверчивый, подозревающий всех и вся Леонид Левандовский.

А для этого ей надо еще подумать. Хорошенько подумать!

Юля не сомневалась, что у нее все получится. Она найдет достойный способ выпутаться из этой патовой ситуации.

Не из таких выпутывалась!

Нужно только выиграть время. Всего-навсего, каких-то несколько дней.

Поэтому она и лежит сейчас здесь, в отдельной палате хозрасчетного отделения одной из лучших больниц Петербурга.

Хочешь жить – умей вертеться.

На самом деле Юля попала в больницу не с «острым животом», как велела матери сообщить на кафедру, а легла на обследование.

Обычное медицинское обследование, которое должен проходить каждый гражданин, мало-мальски интересующийся состоянием своего здоровья. А Юлиана о себе любимой заботилась и диспансеризацию проходила ежегодно. Только вот на этот раз Юлечка предпочла стандартному обследованию в родной академической поликлинике стационар.

Она с удовлетворением оглядела свою палату-люкс. Чисто, просторно, уютно, никаких тебе жутких больничных запахов. Вежливый квалифицированный медицинский персонал и новейшее оборудование.

Правда, обойдется ей такая диспансеризация в копеечку.

Ну, да оно того стоит!

За свою жизнь Юля не раз прибегала к услугам этого отделения и знала, что соблюдение анонимности ей гарантировано.

Справок о здоровье пациентов хозрасчетного отделения медперсонал «Справочного» в Михайловской больнице не дает. Никакой информации. Никому.

Ни родственникам, ни знакомым. Ни по телефону, ни лично.

Таковы правила.

Узнать что-либо о пациенте хозрасчетного отделения можно только у заведующего этим самым хозрасчетным отделением и только с согласия самого пациента.

И это для нее сейчас главное. Вся информация, а вернее, дезинформация о ее, Юлечкином, состоянии здоровья – только с ее собственного, Юлечкиного, ведома.

Левандовский должен поверить в эту неожиданную болезнь и госпитализацию. Должен! Иначе ей кранты.

Трындец котенку, не будет больше плакать!

Да, она согласилась помочь своему любовнику. Пообещала, что убьет Алсуфьева.

Ну и что?!

А вы бы на ее месте не согласились?!!!

То-то и оно!

Разве у нее был выбор?

Не было у нее выбора. Не было!

Мысль о том, что можно не соглашаться, даже не посетила расчетливую головку прагматично-циничной аспирантки Юлианы Сергеевны Разгон.

Разве можно отказывать в просьбах таким опасным людям, как Левандовский?

Нельзя! Нельзя ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах. Она это знала наверное.

Левандовский церемониться не станет. Ни с кем. Даже со своей любовницей.

К тому же Юлька трезво смотрела на жизнь и не питала иллюзий по поводу того, насколько дорога ее светлость криминальному авторитету Леониду Левандовскому.

Их любовная связь началась довольно давно. Юля тогда еще совсем девчонкой была, в десятом классе училась. Левандовский только-только отслужил в ВДВ и шестерил в одной из приезжих бандитских группировок.

Да, когда-то их отношения были пылкими. Она знала, что Ленчик Левандовский готов был ради нее на многое.

Только вот, когда это было?

Что было, то было и быльем поросло. И Юлька уже не девочка, и Леонид не бандитская шестерка.

Страшно представить, сколько лет они с Ленчиком тянут эту тяготину. Некогда пылкий роман давным-давно перерос в нечто вялотекущее, привычно-необременительное.

Временами ей льстило, такое постоянство Левандовского. Крутой мэн, в авторитете, при делах, бабла немерено! У него теперь таких «Юленек» – молоденьких, глупеньких, с ногами, растущими от коренных зубов, – вагон и маленькая тележка. Только пальцем помани!

А он, несмотря на это, до сих пор не дал ей отставку. Значит, есть в ней что-то, что удерживает его. То, что не находит он в других женщинах и без чего не может обойтись?

Временами же она этими отношениями тяготилась, думала: «На кой ты мне сдался, Ленечка? Пристал как банный лист к одному месту. Не один же ты у меня, офигевшее животное, честное слово!»

Но прекратить надоевшую, ненужную ей связь сама, по своей собственной инициативе Юлька не осмеливалась. Опасалась реакции Левандовского.

Не буди лиха, пока тихо!

Взрывной, непредсказуемый Леонид Левандовский даже после стольких лет близости оставался для нее закрытой книгой. Как он поступит, предложи она ему прекратить затянувшийся роман, спрогнозировать сложно.

Может, кивнет равнодушно, дескать, молодец, Юлька, давно пора, надоела ты мне хуже горькой редьки. А может, и вскинется, как стреноженный конь, психанет и затаит на нее злобу.

Как ни крути, а все мужики собственники по определению. Сам не ам и другому не дам!

Злить Левандовского она не хотела. Пусть будет, как будет. Значит, так надо.

Все проходит. Пройдет и это.

Со временем и эти затянувшиеся отношения сойдут на нет.

А пока... Пока все будет так, как хочет Леонид.

Юлиана у себя любимой одна такая, единственная и неповторимая, другой у нее не будет, чтобы подставляться из-за каких-то пустяков, вот так, за здорово живешь. Нет уж, увольте!

Хочет Ленчик с ней спать? Пожалуйста! Она будет с ним спать. И не просто спать, а еще и делать при этом вид, что офигенно счастлива.

От нее не убудет!

Одним любовником больше, одним меньше... Ей это на самом деле фиолетово. Подумаешь! Кто их считает?

Юля уж точно такими глупостями заниматься не станет. Есть у нее дела и поважнее, чем мужиков по пальцам пересчитывать: этому дала, этому дала, а этому не дала...

Юлиана Разгон ляжет под любого, от кого хоть в малейшей степени зависит осуществление ее желаний. Благо теперь она сама точно знает, чего хочет.

Левандовский беспокоил ее нечасто. Звонил от силы раз в месяц.

Юля откладывала все дела, переносила уже назначенные встречи и неслась к нему на свидание.

Просить себя дважды она не заставляла.

Их последняя встреча резко отличалась от предыдущих. Началось все с того, что Левандовский, вдруг ни с того, ни с сего поинтересовался, как у нее обстоят дела с диссертацией.

Юлька от удивления чуть виноградом не подавилась.

Только-только она коньяку пригубила, виноградинку в рот положила, а тут он со своими странными вопросами:

– Как дела с диссертухой? Далеко ли продвинулась? Когда защита? Готов ли доклад к пекинской конференции?

Вопрос о докладе для конференции в Пекине ее добил.

Какая неожиданная осведомленность!

Откуда?!

Левандовский давно уже не говорил с ней о ее диссертации. Очень давно. Пожалуй, с тех самых пор, как подкинул ей эту идею: получить ученую степень и встать во главе частной элитной клиники.

– Помнится, ты у нас на психолога училась? – поинтересовался он как-то раз, паркуясь возле ресторана «Русская рыбалка».

– Училась, – лениво подтвердила она.

– Ну и как?

– Что как?

– Выучилась?

– Выучилась.

– И корочки есть?

– Есть, конечно, – удивилась она. – Зачем же еще люди учатся, если не для того, чтобы диплом получить?

– Ай, молодец-а! – восхищенно присвистнул Ленечка. – Вот за что я тебя, Юлька, люблю, так это за твою обстоятельность. Все у тебя в голове по полочкам разложено, все по порядку. Если училась в институте, значит, и диплом о верхнем образовании имеется. Все верно! Железная логика. Не придерешься!

Юлиана недоуменно пожала плечами, дожидаясь, пока он поможет ей выйти из машины.

Левандовский широко распахнул перед ней дверцу нового трехдверного «Бетли» мышинового цвета:

– Прошу Вас, мадам главный врач.

– Главный врач, Ленечка? О чем ты? – изломом вскинув бровь, лениво переспросила она.

Переспросила безо всякого интереса, просто так, для поддержания разговора. На самом деле ей совершенно пофиг были эти его глупые шуточки. Главврач так главврач!

Как говорится, хоть горшком назови, только в печь не ставь.

– Дельце одно хочу замутить, – лучась от самодовольства, пояснил он. – Есть тут у меня одна идейка, понимаешь Хорошая, на мой взгляд, идейка, уж такая, блин, хорошая-рас-хорошая, что лучше и не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.